

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

О.Н. ЯНИЦКИЙ

“Турбулентные времена” как проблема общества риска

В статье сделана попытка системного осмысления понятия “время турбулентности” как вызова существующему социальному порядку и ценностно-нормативной основе существующей мир-системы в рамках концепции “общества всеобщего риска”. Дается определение понятия “турбулентности”, выявляются ключевые причины и акторы, рассматриваются пути изменения социологии как научной дисциплины с целью ответа на этот глобальный вызов современности.

Ключевые слова: глобализация, мир-система, междисциплинарные исследования, турбулентные времена, Европа, Россия.

The article presents an attempt to comprehend the notion of ‘turbulent times’ as a challenge to existing social order and its value and normative base in the frames of the concept of ‘all-embracing risk society’. The definition of the notion of ‘turbulent times’ is given, key causes and actors are revealed, and the ways of how sociology should respond to this global challenge are considered.

Keywords: globalization, interdisciplinary research, turbulent times, world-system, Europe, Russia.

Проблема и ее контекст

“Турбулентные времена” – девиз очередной конференции Европейской социологической ассоциации (сентябрь, 2011 г.). Попробуем, однако, понять, действительно ли произошли какие-то качественные изменения в мироустройстве? Феномен “социальной турбулентности” – не новация для социологии: в Новое время под разными именами он существовал всегда. Строго говоря, все времена “турбулентны” в той или иной степени, то есть неустойчивы, поскольку содержат разнонаправленные силы и действия. Хотя базовые характеристики состояния мир-системы, данные М. Арчер, У. Бекком, И. Валлерстайном, Д. Беллом, Э. Гидденсом, В. Иноземцевым, М. Кастельсом и многими другими, остаются практически теми же (нестабильность, неопределенность, непредсказуемость), все же, как мне представляется, некоторые акценты тогда не были сделаны; одновременно произошли новые существенные сдвиги. Попробую их кратко обозначить.

Мир-система находится в стадии всеобщего риска – это моя принципиальная позиция [Яницкий, 1998; 2003; Yanitsky, 1998; 2000]. Вслед за Бекком я утверждаю, что человечество живет сегодня в рискогенной среде, где угроза взаимного уничтожения сохраняется, в мире, где алчность смешана со страхом; человечество живет в среде растущего дефицита невозобновимых ресурсов, продуктов питания, малых и больших

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института социологии РАН.

войн, целенаправленного насилия. В прошлом тоталитарное общество было типичной моделью общества всеобщего риска. Сегодня мы наблюдаем синергетический эффект наложения прошлых (неразрешенных) проблем и новых глобальных вызовов: одна катастрофа наползает на другую, межкризисные периоды сокращаются, а выход из очередного кризиса становится затяжным, большинство конфликтов не разрешается, а лишь “замораживается”.

Терроризм, рожденный взрывчатой смесью массовой безработицы, полуголодного существования миллионов и радикальных идеологий, – еще одна причина возникновения общества всепроникающего и непредсказуемого риска. Изменилось и само понятие силы: “слабая” сила может причинить ощутимый вред куда более “мощной” силе. В подобных условиях общества европейского типа не могут более выполнять роли “плавильного котла” культур. Напротив, тенденции к конфронтации “коренных” и “пришлых”, “чужаков” на всем европейском континенте усиливается. В конечном счете мир получил *новое социологическое измерение*: он все более разделяется на “свободных” риск-производителей и вынужденных риск-потребителей [Яницкий, 2004^a].

Произошло резкое изменение баланса сил, всей геополитической карты мира. Я имею в виду неустойчивый баланс сил главных мировых игроков: США, Европейского союза и стран БРИК. Геополитическая нестабильность порождается и усиливается их эгоистическими интересами или ошибочными политическими решениями, в результате которых возникают зоны и целые государства перманентных военных конфликтов, не имеющих выхода. Эти сдвиги порождаются также все более ожесточенными ресурсными войнами [Кьеза, 2006], неожиданными массовыми протестными действиями, которые, как мы видим сегодня, способны изменить не только этот хрупкий баланс, но и всю геополитическую карту мира. События начала 2011 г. в Северной Африке демонстрируют характерный для высокоинтегрированного мира “эффект домино”, причем он носит *метаболический* характер: нестабильность не только распространяется территориально, но и порождает цепь перехода одних критических состояний, например политических, в другие – экономические, социальные, институциональные, культурные. В данном случае этот метаболизм *критический*; он есть не что иное, как выброс “энергии распада”. Что будет, если, к примеру, 300 тыс. беженцев из Ливии одновременно высадутся на южных берегах Европы?

Как представляется, эпоха “относительного спокойствия” закончилась. Назревают качественные сдвиги в основополагающих ценностях и целях входящих в мир-систему обществ. Продолжающийся рост народонаселения Земли, по крайней мере треть которого не обеспечена минимальным набором продуктов питания, терроризм, уже ставший повседневностью, все более множественные этнические и межнациональные конфликты, природные и техногенные катастрофы, угроза глобального изменения климата стимулируют в совокупности (опять синергетический эффект) сдвиг в целях и ценностях евроатлантического сообщества: от накопления богатства и роста качества жизни к усилиям по снижению рисков и угроз. Безопасность и здоровая среда обитания “здесь и сейчас” как высшие ценности для богатых и бедных вытесняют мечту о вечном всеобщем благоденствии.

Идет интенсивный наплыв на Европейский континент носителей иных культур и образа жизни. Причем сами эти носители не стремятся к интеграции и не могут быть Европой ассимилированы. Как квалифицировал эту новую ситуацию М. Кастельс, сегодня Западный мир и его сателлиты столкнулись с мощной анти-системной силой, не имеющей ничего общего с западными культурой и укладом жизни [Castells, 2000]. Более того, эта анти-системная сила все глубже проникает во Францию, Италию, Великобританию, Германию, Голландию, Норвегию и другие Скандинавские страны, то есть в ядро и оплот европейской цивилизации и культуры. Размежевание на богатых и бедных осложнилось их культурными различиями, прежде всего мировоззренческими, идеологическими.

Как признают сами лидеры объединенной Европы, европейский либерализм в его нынешней форме потерпел поражение: он выродился в свою противоположность –

бюрократический фундаментализм. Такая ситуация имеет два следствия. Первое: несмотря на развитие общественного производства, накопление общего блага замедлится не только в целом, но и у отдельных индивидов. Второе: параллельно с этим процессом сокращается и накопление социального капитала, а мир в целом все больше охватывается выбросами вандализма, варварства и массового недовольства. Эти процессы я называю выделением энергии социального распада, характерных для общества всеобщего риска [Яницкий, 2003]. Происходит обесценение человеческого и социального капитала, потому что “турбулентность” весьма прожорлива: для ее сдерживания требуется все больше людских ресурсов (для “замораживания” вооруженных конфликтов, сдерживания терроризма, обеспечения гуманитарной помощью беженцев и вынужденных переселенцев и т.д.). “Турбулентность” умножает бюрократию, так как число учреждений и их персонала, обслуживающих ее разные формы, неустойчиво растет.

Возникновение феномена “турбулентности” как следствия резкого введения свободного рынка подтверждается двадцатилетним опытом реформ в России. Вот типичная формула адептов рыночного фундаментализма: “Экономическая свобода неизбежно привела к расслоению на тех, кто был склонен к бизнесу, готов рисковать, и тех, кто больше ценил спокойствие, предпочитал быть ведомым. В этом разделении – одна из целей реформы... Но в конечном счете экономическая свобода повышает эффективность, улучшает положение всех членов общества” [Ясин, 2010, с. 19]. А вот всем известные итоги: коллапс институтов науки, образования, здравоохранения, социальной защиты, сельского хозяйства, большинства отраслей промышленности; социальное расслоение на порядок большее, чем до реформ, невосполнимые демографические потери, резкое снижение человеческого и социального потенциала и т.д. Хочется спросить автора приведенных выше строк: что, фундаментальная наука впала в кому или бежала из страны исключительно потому, что она ценила только “спокойствие” и “предпочитала быть ведомой”? Но главный итог – полная неопределенность перспектив, потому что модель “экономической свободы” в ее российском варианте привела к ручному управлению, решению сиюминутных проблем.

“Турбулентные времена” рискованны также потому, что само общество потребления и связанные с ним инфляция, растущий дефицит продовольствия и т.д. порождают феномен “жизни взаймы”. Будущее как капитал уже заложено и перезаложено, причем это касается не только индивидов, но корпораций и целых государств. Внешние и внутренние заимствования, накачка государством экономики деньгами, взятыми в долг у международных финансовых организаций, перманентная реструктуризация долгов индивидов и предприятий – все это разные стороны названного процесса. Не забудем, что 2011 г. – год пика выплаты по долговым обязательствам стран еврозоны, бравших деньги взаймы. Одна из причин все этой неустойчивости – тот факт, что есть жесткие правила вхождения в еврозону, но нет правил выхода из нее.

На планете становится все больше людей, которых З. Бауман назвал париями нашего времени, или “человеческими отходами” (*wasted people*) [Bauman, 2003; 2004]. Следствием бюрократического фундаментализма с его всепоглощающей алчностью, страстью к кодификации всего и вся, ставящей непреодолимые барьеры для социальных лифтов, является огромное число людей без корней, “перекати-поле”. Появление современных скитальцев, часть из которых деградирует до уровня вандализма и варварства, есть обратная сторона либерального проекта глобализации, который при помощи инструмента “свободного рынка” исключил миллионы людей из цивилизованного мира. Либеральная бюрократия долгое время предпочитала не замечать их или просто подкармливать. Последнее десятилетие Европейский союз быстро расширялся, но внутри него росло число людей и/или сообществ, живущих фактически в этнических гетто. Но, как показали сомалийские пираты, удел “подкармливаемых” их более не устраивает. С этой взрывчатой смесью глобализации и пиратства не могут справиться вооруженные силы США и Объединенной Европы.

Их, на мой взгляд, по крайней мере три. Уже давно замечено, что традиционные политические институты теряют свое значение и смысл. На их место приходят разнообразные формы того, что Бек называет субполитикой (о ней подробнее ниже). Далее, политика экспансии вовне сократилась, тогда как внутренние проблемы занимают все большее место в политической повестке дня: за культурное разнообразие, идущее вслед за расширением ЕС, его политикам приходится платить все более высокую цену. В-третьих, СМИ и Интернет стали главным полем политической борьбы. На смену борьбы идеологий и программ пришла борьба виртуальных образов и публичных фигур. Как утверждает Кастельс, политическая конкуренция вращается вокруг “персонализированной политики”. Отсюда, главным орудием в этой борьбе становится “репутационное убийство”. Звездами на политическом небосклоне оказываются судьи и прокуроры. Это стоит больших денег, поэтому политика как политика скандалов и разоблачений превращается в очень дорогой бизнес [Castells, 2000]. Политика сегодня – не борьба идей и программ, а пиар и бег наперегонки. Российские теоретики видят причину данного явления в сращенности экономики и политики [Пивоваров, 2006].

Во взаимоотношениях государства и гражданского общества наблюдаются противоположные тенденции. С одной стороны, государство уже проникло практически во все сферы социальной жизни: образование, здравоохранение, правосудие, полицию и другие социальные службы; оно также является производителем вооружений, нанимателем, инвестором и т.д. Но с другой стороны, огосударствление означает не только бюрократизацию, снижение эффективности, инвестиций и общее замедление развития – оно вызывает растущее сопротивление ему со стороны гражданских инициатив и общественных движений, как организованных, так и массовых движений протеста (и даже бунта, переворота), что мы сегодня наблюдаем в Африке. И там, и здесь граждане хотят сами распоряжаться своей судьбой, иметь право голоса, участвовать в публичной политике и принятии решений, быть независимыми экспертами и т.п. События в Северной Африке показали, что “турбулентность” сначала зреет медленно, подспудно, но потом развивается лавинообразно с непредсказуемыми последствиями.

Проблема демократии – самая сложная. Как выяснилось в течение XX в., европейская модель демократии не универсальна, *демократий много*, а собственно европейская находится в опасности. С одной стороны, вследствие наплыва эмигрантов в Европу, принесших с собой иные формы культуры и социальности, европейская модель демократии все более размывается, разрушается, и это смертельный риск для нее. С другой стороны, ограничение доступа иммигрантов к участию в работе институтов власти и влияния (посредством все более сложной и многоступенчатой кодификации этого процесса) является реакцией евробюрократии, пытающейся сохранить привычные для нее формы “символической демократии” на этот потенциально рискованный процесс. Но у модели европейской бюрократии есть внутренние проблемы. Бюрократический фундаментализм вовсе не объединяет людей и не стимулирует их к творчеству. Напротив, он их разъединяет, навязывая им заранее предписанные роли.

“Турбулентность” как феномен общества всеобщего риска

”Турбулентность” в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока. “Турбулентность” – это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами. События 2011 г. на Африканском континенте показывают, что “время турбулентности” действительно существует. Оно может зреть десятилетиями, но возникает неожиданно, носит лавинообразный характер и непредсказуемо по последствиям. Я полагаю, что мы находимся в преддверии нового передела мира. Более того, есть основания считать, что это будет *тотальный передел* уже социально освоенного пространства-времени. Речь идет о двух одновременно протекающих процессах:

освоении и развитии территорий и пространств, ранее практически никогда не освоенных, и превращении уже социально освоенных, обжитых пространств в мертвые, где социальной жизни не будет и историческое время остановится надолго.

Появление времени (или периода) “турбулентности” всегда имеет некоторую “критическую точку”, определяемую состоянием мир-системы в целом, но прежде всего ее экономики и общественных настроений. Пока бизнес развивается, а настроение в обществе позитивное, международная бюрократия и силы принуждения справляются с недовольством тех, кто ощущают себя обделенными. Но с началом затяжного экономического кризиса, когда жизненные стандарты у большинства населения снижаются, массы выходят на улицу. Вспомним Грецию, Португалию, Ирландию. Возникает тупиковая ситуация: люди требуют вернуть их прежний уровень жизни, но ничем не хотят жертвовать для этого. Ситуация накаляется и начинается период турбулентности.

Один из главных инициаторов его возникновения – финансовый капитал, чьи потоки перемещаются по миру практически мгновенно (хорошо известный феномен инверсии времени), сопровождаясь изменением потоков рабочей силы, материалов, энергии. Финансовый капитал – всепроникающий, “текущий” и безответственный. В России и ЕС различие между центром и периферией растет, в частности, потому, что это выгодно финансовому капиталу. И там, и здесь некоторые государства, области или республики живут на дотации или на заемные средства. Наличие Интернета не отменяет того, что некоторые периферийные провинции отстают от “центра” на целую историческую эпоху. В целом общества все более разделяются на два социальных мира: открытый и мобильный, с одной стороны, и закрытый и территориально фиксированный – с другой. В таких условиях устойчивое развитие остается не более, чем мечтой. Сегодня устойчивость, скорее, означает перманентные усилия к выживанию посредством периодической трансформации (смены места жительства, учебы, работы, образования и самого образа жизни).

К ключевым характеристикам феномена “турбулентности” можно отнести изменение взаимоотношений между человечеством и Биосферой. До недавнего времени человек считал себя хозяином природы. Однако сегодня все больше свидетельств тому, что Биосфера (через природные аномалии и катастрофы) все чаще определяет поведение человека и социальных общностей. Бек назвал это “эффектом бумеранга”. Но представляется, что ситуация еще более серьезна. Эпоха господства и управления силами природы сменяется на эпоху сохранения того, что человеку удалось достичь, построить, накопить. Грядущие изменения климата способны превратить в ничто многие богатства европейской цивилизации и серьезно изменить уклад жизни европейцев. Существуют менее значительные, но также весьма опасные черты рассматриваемого явления. Среди них:

- создание разного рода барьеров как внутри ЕС, так и между ним и странами, в него не входящими;

- увеличение дистанции между центрами и периферией, центрами и отдаленными провинциями, а также внутри самих мегаполисов;

- социальное дистанцирование, вызывающее трения и напряженность между этими группами, сообществами и государствами, одни из которых продолжают развиваться, тогда как другие все более отстают. Более того, само *время* течет в центрах и на периферии по-разному, особенно если это детерминировано различием европейской культуры и ислама;

- “турбулентные времена” генерируются самим фактом разнообразия культур и жизненного уклада много- или наднациональных структур. Их разнообразие – позитивный феномен, когда он осуществляется в режиме взаимного интереса и минимального взаимного доверия, но не в режиме войн и немотивированного насилия;

- наконец, последнее по счету, но не по значению – массовая инвазия в Европу чужеродных культур, которые она не способна переварить. Всякая культура может поддерживать свою идентичность внутри другой культуры только до определенного предела. То, что происходит сейчас в ЕС и в России, – процесс де-европеизации наднациональных структур.

В целом я сказал бы, что сегодня эта политика: во-первых, становится более защитной и менее наступательной; во-вторых, все большее внимание уделяется внутренней политике поддержания стабильности прежде всего потому, что Европа окружена все более нестабильной и рискогенной для нее периферией; в-третьих, внутренняя политика “центра” по отношению к периферийной Европе становится все более вертикальной и инструктивной; в-четвертых, все больше внимания отдается поддержке “единства в многообразии”, то есть прежде всего конфликтам между этнонациональными и конфессиональными сообществами; в-пятых, СМИ мобилизуются для смягчения этих конфликтов и снижения национальной напряженности; в-шестых, сети гражданских организаций и социальных движений играют все большую роль в политической борьбе, конкурируя с парламентаризмом как формой политической организации общества.

Силы, создающие “турбулентность”

Рассматриваемый феномен – результат нескольких процессов. Если мы возьмем Европейский континент, то, во-первых, “турбулентность” есть следствие процессов создания ЕС и новой России как таковых. Масштабные пертурбации всегда возникают в результате реализации столь революционных проектов. Причем, если поначалу проект ЕС осуществлялся медленно, шаг за шагом, то после распада СССР он был резко ускорен. Новой России как проекта и сценария его реализации не существовало в природе. Во-вторых, причиной возникновения “турбулентности” была унификация как таковая. И в природе, и в обществе наиболее значимые результаты рождаются на границе взаимодействия двух (эко)систем. К примеру, на границе между лесными и луговыми экосистемами или же в ходе междисциплинарного взаимодействия в ходе реализации некоторого исследовательского проекта.

Подчеркну: правила взаимодействия вырабатываются *в ходе* этого взаимодействия. К сожалению, этот императив *взаимоизменения* ни там, ни здесь выполнен не был. ЕС просто выставил соблюдение правил своего “внутреннего распорядка” в качестве неперемennого условия вхождения в него новых членов. Новая Россия многократно меняла условия не только объединения, но и “цивилизованного развода”, при этом не выполняла уже принятые на себя обязательства.

Нынешний экономический кризис ясно показал, кто суть главные создатели состояния “турбулентности”. Это транснациональный финансовый капитал и связанные с ним наднациональные финансовые институты (Всемирный банк и МВФ). Их всепроникающая сила плюс отсутствие ответственности за последствия своих действий – источник всеохватывающих рисков как таковых. К тому же финансовый капитал и его институты стали создателями всей механики общества потребления, которая также ответственна за нынешнюю “турбулентность”. Чем более США, ЕС или Россия становились привлекательными для окружающих их стран, и прежде всего для жителей наиболее отсталых из них, тем сильнее было желание последних проникнуть туда любыми средствами. Непрерывающийся поток нелегальных иммигрантов – лучшее тому подтверждение. Бюрократическая верхушка, которой это было выгодно, молчаливо потворствовала этому, отсекая лишь политических радикалов и тех, кого она считала “лишними людьми”, осуществляя тем самым “отрицательную селекцию” (П. Сорокин).

Политика принуждения силой или открытого насилия до сих пор существует, изменились только ее формы и инструменты. Недавняя попытка выселения цыган из Франции – яркий тому пример. До недавнего времени ЕС практиковал политику перманентной экспансии вовне, носившей название “мягкой силы”. Что было комбинацией убеждения и принуждения (наиболее известный пример – осуществление ЕС проекта Большого причерноморского региона). Но еще более тревожно, что политика одностороннего насилия (*one-sided violence*) в отношении мирных жителей в форме геноцида, терроризма или этнических чисток, практикуемая неправительственными акторами, получает все большее распространение по всему миру [Stepanova, 2008; 2009].

Социологи тоже приложили руку к созданию “турбулентности”. Как сказала М. Арчер, они способствовали развитию текущего кризиса тремя путями: пропаганди-

руя индивидуализм в своих моделях человека и форм его деятельности; презентирова индивида как аморального агента, который лишь “исполняет роль”, а не осваивает, не персонафицирует ее посредством собственных ценностей; и наконец, способствуя абсорбции гражданского общества рынком посредством всеобщей монетизации всех видов его активности. Со своей стороны, государство способствовало этой абсорбции и бюрократизации посредством введения системы “индикаторов (надлежащего) исполнения” своих функций [Archer, 2010]. Фактически речь снова идет о риске всеобщей кодификации как средстве принуждения и унификации любой человеческой деятельности.

Грядет новая волна “турбулентности”

Политика “трех Э” (экономика, энергетика, экология) широко распространена в ЕС и гораздо меньше в России. Ее суть состоит в совершенствовании уже существующих структур и функций. Я называю эту политику количественной экологизацией, то есть реализуемой без существенного изменения имеющихся целей и ценностей. Однако ведущие социологи и ученые-естественники говорят о необходимости иной, *качественной экологизации*, которая потенциально может также создать глобальную волну “турбулентности”. Но она необходима, ибо если все человечество подчинится ценностям потребительского общества, оно столкнется с жесточайшим дефицитом солнечной энергии и невозобновимых ресурсов Земли. Я называю это экологическим императивом нашего общего будущего.

Вот как Бек операционализирует эту задачу: «Экономика и политика климатических изменений предполагает “озеленение обществ”. Без того чтобы большинство самых различных групп населения не только обсуждало, но и действовало и голосовало за политику климатических изменений, она просто невозможна. Только если мы найдем ответ на насущный и даже табуированный вопрос: откуда придет поддержка снизу, поддержка рядовых граждан из различных классов, различных наций, разных политических идеологий и государств, которых эти изменения затронут по-разному и восприниматься они будут также неодинаково, только тогда политика климатических изменений перестанет быть элитарной (идея). – О.Я.)... Вот центральный вопрос, стоящий перед социологами: откуда может придти поддержка экологическим переменам, поддержка, которая во многих случаях может подорвать их образ жизни, социальный статус и условия жизни на неопределенное время. Или, иначе: возможно ли, что некоторый род космополитической солидарности станет формироваться “поперек” любых границ, что является необходимой предпосылкой политики климатических изменений... Ключевая исследовательская гипотеза такова: “чем более мир будет объединяться под флагом политики климатических перемен, тем более эти перемены будут разъединять его”... Я называю это космополитической диалектикой климатических изменений. Насколько эти противоборствующие тенденции совместимы? Будут ли они еще более усугублять конфликты или способствовать кооперации усилий?» [Beck, 2010].

О задачах социологии

Кто есть “социолог глобализации”? По-видимому, тот, чьим предметом анализа является мир-система. Но не только *социальное мироустройство*, а структура и функционирование *социо-био-технической системы* в целом, то есть неразделимого единства природных и созданных человечеством систем. Отсюда следует, что предмет его интереса обязательно будет многосторонним и, следовательно, междисциплинарным. Динамика глобальных систем – вот его теоретическая задача. Я согласен с Кастельсом, что теория – всего лишь инструмент; по мере того, как изменяется предмет исследования – изменяется и теоретический инструментарий [Castells, 2000].

Глобальное нарушение человеком баланса природных экосистем порождает эффект бумеранга: когда несущая способность среды многократно превышена, она превращается из поглотителя рисков в их производителя и распространителя. Эти риски, распространяясь и трансформируясь, в конечном счете создают ситуацию, когда *среда обитания начинает диктовать обществу правила игры* не только “здесь и

сейчас”, но и на ближайшее будущее. В мировой повестке дня безопасность и наличие ресурсов жизнеобеспечения *вытесняют* благополучие и процветание. Таким образом, разработка модели поддержания стабильности мир-системы через ее постоянное изменение со снижающимся производством рисков – главная задача социолога.

Участившиеся экологические и техногенные катастрофы уже давно “сигнализируют” социологам мейнстрима, что они рискуют пропустить некоторый критический момент, за которым возврат к прежнему состоянию мир-системы (и следование “экологической парадигме”) станет уже невозможен. Тем удивительнее, что начиная с 1980-х гг. наблюдается резкий спад академических дискуссий относительно сценариев эволюции мир-системы [What... 2002]. Всегда рискованно подменять рефлексию по поводу катастроф и последующие планы реабилитации простой реакцией на них.

Функционирование мир-системы основано на миллионах интеракций внутри нее и с природой. Эти взаимодействия носят как вертикальный и горизонтальный, так и обменный характер (метаболизм), и поэтому не могут регулироваться только “сверху”. Фокус социологического интереса смещается в сторону процессов (само)регулирования (*governance*), в которых сегодня не-государственные акторы играют все большую роль. “Эта модель регулирования представляет собой сеть акторов, которые одновременно сотрудничают, конкурируют, торгуются и в итоге – изменяют друг друга” [Кустарев, 2007, с. 8] (см. также [Global... 2003]). Governance, несомненно, есть модель модернизации механизмов регулирования социального миропорядка, но она хороша для относительно стабильных времен, когда перемены происходят постепенно в ходе межкультурного диалога и дипломатических переговоров. Но эта модель, как показали недавние события, не годится для “времен турбулентности”, что и подтвердилось молчанием и бездействием как над-государственных институтов, так и сети организаций гражданского общества. Это “молчание” – еще одно подтверждение того факта, что мы находимся в точке изменения базовых принципов поддержания мирового порядка. Подчеркну еще раз: сегодня, когда транснациональная экономика и политика доминируют, когда финансовый капитал стал всеохватывающим, текучим и безответственным, социология теряет свой авторитет, публичный вес и роль разработчика стратегий развития мир-системы. Пришло время пересмотра соотношения между ее сервильной, интерпретативной, конструктивистской и критической функциями.

Идущая сегодня третья волна маркетизации всей социальной жизни – еще одна форма всепроникающего риска, потому что внутренняя логика развития рынка ведет к уничтожению любой формы социальности (К. Эрроу). Чтобы противостоять этой волне, “мы, социологи, должны выйти за рамки наших внутренних дебатов и повернуться вовне, но не как слуги власти, а как *публичные социологи*, собеседники с ее различными группами”. М. Буравой называет таких людей “органичными социологами”, потому что они “непосредственно общаются с публикой” [Burawoy, 2008, p. 355]. Значит, социолог должен перейти к “соучаствующему” типу исследования и, если потребуется, выполнять роль *адвоката* инициативной группы или движения [Яницкий, 2004⁶], то есть стать посредником между конфликтующими группами интереса.

Еще один источник всепроникающего риска – процесс информатизации. Обычно он воспринимается как символ и индикатор общественного прогресса [European... 2007], однако у него есть по крайней мере три негативные стороны. Первая – сопротивление большей прозрачности, которая неизбежно следует за этим процессом. Ни человек, ни государство не хотят, чтобы их видели голыми. Вторая – приход посткирпичной культуры, которая если не подрывает, то существенно изменяет структуру и функции институтов управления, образования и науки. Третья – борьба между глобальными игроками за роль “программистов” и “переключателей” СМИ и вообще сетей, посредством которых они формируют глобальную политику [Arsenal, Castells, 2008].

Насущная задача социологов – создание новой социально-экологической парадигмы, но не столько как набора императивов, сколько как модельный *сценарий перехода* от одного типа мир-системы к другому, экологически более безопасному. В частности, я имею в виду сценарий перехода от ресурсно-ориентированной ее парадигмы к обществу информационного типа. Вопросы, обозначенные Беком выше, остаются: какими путями может произойти это сближение-через-разъединение? На мой взгляд,

критической точкой этого процесса является переход от вынужденного ограничения потребления, обусловленного очередной экстремальной ситуацией, к самоограничивающему потреблению.

Для осуществления названного выше сдвига пригодится метод изучения социально-экологического метаболизма [Fisher-Kowalski, Haberl, 2007] между элементами мир-системы, так как он позволяет обнаружить процессы и продукты потребления, которые можно было бы сократить или исключить вообще. Этот метод весьма эффективен, но очень рискован в социальном плане, ибо никто не хочет открывать “святыя святых”: свои связи и источники накопления (любого) капитала.

Сегодня уже очевидно, что политика толерантности в Европе и мире провалилась, но этот факт не освобождает социологов от продолжения поиска взаимодействия культур в “турбулентном мире”. Как культуры, выросшие на почве христианства, иудаизма, ислама и даосизма, могут сосуществовать? Этот вопрос остается насущным для социологии и политики. Путь к достижению обозначенных выше целей и перемен лежит через конфликты и борьбу. Большинство современных социологов предпочитают скрывать этот неприятный факт, пряча его за эвфемизмами типа “напряженность, трения, неудовлетворенность, озабоченность” и т.п. Но в конечном счете, речь все равно идет о конфликтах и борьбе. Иначе откуда бы взялись перемены, как не через активность гражданских инициатив и социальных движений?

Итак, публичность есть необходимая предпосылка всех сдвигов и практик, о которых говорилось выше. Социолог должен покинуть свою башню из “слоновой кости” – академическую свободу и университетскую автономию – и установить прямой, без посредников контакт с публикой, к которой он адресуется [Burawoy, 2008].

* * *

Мир-система входит в длительный критический период своей истории. Третья мировая война уже началась, и не только в информационной сфере. Нынешний период “турбулентности” – лишь прелюдия к более серьезным сдвигам глобального масштаба. В прошлом одна или две империи претендовали на роль сверхдержав. Сегодня таковых по крайней мере три. Чтобы удержать свою власть над миром, эти сверхдержавы или их союзы должны быть еще более мощными. Поэтому идеология либерализма, свободного рынка, политика “сдержек и противовесов”, которые соответствовали временам “спокойствия” и накопления богатства, не отвечают вызовам времен всеохватывающих рисков, войн и дефицита ресурсов, угрожающих разрушить существующий социальный порядок.

Экономический и культурный кризис, который охватил весь мир, имеет общий знаменатель – экологический, отягощенный идеологическими и культурными противоречиями. Западный либерализм и исламский фундаментализм и сегодня, и, вероятно, еще очень долго будут непримиримыми оппонентами. Поэтому социология играет подчиненную роль, в основном фиксируя существующую диспозицию главных сил и господствующих взглядов на мир-систему. Конечно, социология может строить модели ее динамики, но тогда она перестанет быть социологией в ее современном понимании и превратится в политическую экономию или системную динамику.

Как представляется, социология должна преодолеть свою *двойную изоляцию*: и от процессов выработки идеологии мирового развития, и от других наук. Только тогда она станет способной *социологически интерпретировать* факты и концепции, полученные другими науками, а также – мировидение и идеологии, отличные от европейского либерализма. Это призыв не к толерантности и полному отказу от применения силы, а к партнерству, к работе рука об руку, чтобы находить мирные пути разрешения конфликтов, основанный на различии идеологий. Если говорить более конкретно, то речь идет о публичной роли социологии, о социологии-для-практики. Вот лишь некоторые, по-моему, первоочередные, теоретические и прикладные задачи такой социологии:

- разработка принципов поддержания стабильности Биосферы как всеобщей предпосылки сохранения устойчивости мир-системы и входящих в него обществ;
- поиск политических средств для достижения их мирного сосуществования;
- участие в поиске средств сокращения различий между богатым Севером и бедным Югом;
- справедливость и доверие должны быть ценностными основами любых проектов, направленных на развитие различных элементов мир-системы;
- помощь процессам становления и укрепления гражданского общества как в Европе, так и мире в целом, поскольку его связи и сети играют всевозрастающую роль в установлении мира и взаимопонимания, в образовании, экономии ресурсов и т.д.;
- приоритетная сфера публичной социологии – изучение социальных движений в местном и глобальном масштабе.

Сказанное выше ничуть не отрицает необходимости существования национальных социологических школ с их специфическими сферами интереса, культурно-детерминированной методологией и т.д. [Smelser, 1996; Genov, 1989; Здравомыслов, 2010]. Я только утверждаю, что все они включены в глобальный контекст и должны ответить на его старые и новые вызовы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- Кустарев А.* Кем и как управляется мир // *Pro et Contra*. 2007. Т. 6. № 39.
- Къеза Дж.* Война империй: Восток–Запад. Раздел сфер влияния М., 2006.
- Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006.
- Яницкий О.Н.* Диалог науки и общества // ОНС. 2004^a. № 6.
- Яницкий О.Н.* Риск-солидарности: российская версия // *Интер*. 2004^b. № 2–3.
- Яницкий О.Н.* Социология и рискология // *Россия: риски и опасности “переходного” общества*. М., 1998.
- Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003.
- Ясин Е.Г.* Слово о Гайдаре // ОНС. 2010. № 6.
- Archer M.* The Current Crisis: the Silence of the Sociologists. The Report on the Final Presidential Session, the ISA Conference (Gothenburg, Sweden, July 20, 2010).
- Arsenalt A., Castells M.* Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business Media of Media Politics // *International Sociology*. 2008. Vol. 23. № 4.
- Bauman Z.* Liquid Modernity. Oxford, 2003.
- Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, 2004.
- Beck U.* Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of “Cosmopolitan” Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, July 11–17, 2010. Gothenburg (Sweden).
- Burawoy M.* What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // *Current Sociology*. 2008. Vol. 56. № 3.
- Castells M.* Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.
- European Union: the Next Fifty Years. London, 2007.
- Fisher-Kowalski M., Haberl H.* Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna, 2007.
- Genov N.* National Traditions in Sociology. London, 1989.
- Global Civil Society Yearbook. Oxford, 2003.
- Smelser N.* Social Sciences and Social Problems. The Next Century // *International Sociology*. 1996. Vol. 11.
- Stepanova E.* One-sided Violence against Civilians in Armed Conflicts. SIPRI Yearbook, 2009.
- Stepanova E.* Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. Oxford, 2008.
- What the Future Holds: Insights from Social Science. Cambridge (Mass.), 2002.
- Yanitsky O.* Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society // *Sociological Theory and the Environment*. Proceedings of the 2nd Woudshoten Conference. Amsterdam, 1998.
- Yanitsky O.* Sustainability and Risk: the Case of Russia // *Innovation: the European Journal of Social Sciences*. 2000. Vol. 13. № 3.